

Р. М. Баталова (*Москва*)

О месте языка коми-язьвинцев в структуре пермских языков

Предлагаемая статья на вышеназванную тему является своего рода диалогом-размышлением по одной из немаловажных проблем современной пермистики. В этом вопросе все еще немало

спорного и нерешенного, поскольку в распоряжении пермистов нет ранних исторических памятников. Мы в основном пользуемся данными гипотетического характера. И хотелось бы, чтобы на данном этапе исследований мы не считали те или иные высказывания даже очень известных ученых окончательными.

Общеизвестно, язык – явление специфическое, развивающееся очень медленно, но по своим строгим закономерностям. Языковедам видна лишь его “верхушка”, как у айсберга, поэтому и исследователи должны относиться к языку, его истории бережно, а к мнению того или иного ученого без особой категоричности.

Автор данной статьи надеется, что излагаемая ею точка зрения, возможно, кому-то позволит посмотреть на рассматриваемую проблему несколько с иной позиции и даст пищу для дальнейших размышлений.

Так называемые коми-язьвинцы проживают на территории Красновишерского района, в северо-восточной части Пермской области.

Первым исследователем языка язьвинцев был финский ученый Арвид Генец, который назвал их язык восточно-пермским. Результаты его исследований обобщены в статье “Ost-permische Sprachstudien” (*Journal de la Société Fenno-Ougrienne*), t. XV, I).

Следует отметить, что в заголовках рукописных словарей XVIII–XIX вв., в которых зафиксированы языковые данные отдельных диалектов прикамских пермяков, также присутствует слово пермский, или пермяцкий. Ср.:

1) Краткий пермский словарь с российским переводом... Антония Попова (1735). К словарю приложены “Реестр российских речений из пермского языка, составленные с помощью некоторых пермяков, знающих российский язык”;

2) Лексикон пермского языка... иерея Г. Чечулина (1828; 4,5 тыс. слов);

3) Русско-пермяцкий словарь, составленный в г. Усолье (1848; 3,5 тыс. слов).

В ЦГА Татарстана хранится рукопись первой грамматики “Краткие грамматические правила, принадлежащие к знанию пермяцкого языка” соликамского протоиерея Федора Любимова (1838). Ср. также наименования книг Н. А. Рогова, положившего начало серьезному изучению языка пермяков – это “Опыт грамматики пермяцкого языка” (1860) и его же “Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь” (1869).

В связи с этим считаем необходимым еще раз подробнее остановиться на вопросе о терминологии. Следуя установившейся в коми языкознании терминологии, в том числе и диалектологии, мы вынуждены были пользоваться ныне уже принятой терминологией, касающейся наименований языков, наречий, диалектов, говоров так называемой “коми” подветви пермских языков и соответственно этнонимов их носителей с приставкой “коми-”: “коми-пермяцкий – коми-пермяки”, “коми-зырянский – коми-зыряне”, “коми-язьвинский – коми-язьвинцы”. Однако при этом следует учитывать условность такой терминологии, которая искусственно была введена в научный обиход в 1920-х годах и исходила из неадекватной концепции единого, но этнически неоднородного “коми” народа с “общекоми” языком и территориальными диалектами. Как следствие – введение искусственных этнонимов: коми-зыряне, коми-пермяки, коми-язьвинцы, коми-зюздинцы, хотя соседним народам они были известны по их самоназваниям: зыряне и пермяки (в том числе и язьвинские пермяки, и верхнекамские пермяки, или кировские пермяки), то есть без приставки “коми-”⁶⁷.

Концепция общекоми языка в 20-е годы XX в. могла бы быть оправдана слабой изученностью, зачаточным состоянием коми языкознания и недостаточной теоретической подготовкой местных научных кадров того периода, не учитывавших, что период существования общекоми языка в Верхнем Прикамье после разрыва связи с удмуртами закончился с исходом северной (зырянской) племенной группировки на территорию нынешней Республики Коми. И с этого времени начался период самостоятельного развития двух территориально разделенных наречий “общекоми” языка, в течение которого диалектные различия нарастали, вырабатывались свои специфические особенности, реализовались различные тенденции и инновации, что в конечном итоге привело к образованию двух близкородственных самостоятельных языков.

Игнорировать эти реалии исторического развития языков и проецировать древний общекоми период на современную языковую ситуацию – было бы неправомерно. Однако эта неадекватная оценка языковой ситуации в “коми” подветви пермских языков

⁶⁷ До Октябрьской революции эти народы были известны под названиями “зыряне” и “пермяки”, а их языки – зырянский и пермяцкий, или пермский; в зарубежной литературе до сих пор употребительны именно эти термины.

удерживалась весьма длительное время и существенно отразилась на отставании в изучении, прежде всего, диалектов коми-пермяцкого языка, в том числе и языковых особенностей красновишерских (верх-язвинских) и кировских пермяков, представляющих две небольшие территориально обособленные группы пермяков, или пермяцкого населения.

Известно, что В. И. Лыткин считал язык язвинцев то диалектом (см. “Коми-язвинский диалект”. М., 1961), то наречием (см.: [Основы 1976: 106]) “общекоми” языка.

В наших исследованиях мы обращали внимание на те основные черты языка язвинских пермяков, которые сближают его с так называемым (коми-)пермяцким языком, и выдвигаем идею, что язык язвинских пермяков (в своей основе) можно считать одним из его 4-х наречий. Несмотря на то, что довольно длительное время он развивался в изоляции от основной части населения пермяков, по основным морфологическим и лексическим особенностям он, действительно, ближе стоит к пермяцкому языку. Об этом свидетельствует и общность системы ударения – качественно-вокальной – с диалектами южного наречия языка пермяков – с нижнеиньвенским и оньковским.

Что касается специфических особенностей в системе гласных звуков – наличия двух особых фонем *ø* и *ү*, то причину появления этих двух звуков в системе гласных в речи язвинских пермяков можно было бы усматривать в наличии в языке язвинцев мансийского субстрата. Имеется немало исторических фактов, свидетельствующих о том, что на данной территории обитали манси, которые ранее занимали довольно обширную территорию, о чем свидетельствуют бытующие до сих пор отдельные топонимы и гидронимы не только на севере Коми-Пермяцкого автономного округа; особенно они выделяются на территории Кочевского и Косинского районов, ср. названия: *Возулка*, *Возульская*, реки – *Лолым*, *Пелым*, *Обва*, д. *Пелым* и др.

По вопросу обитания манси (вогулов) в верховьях Язвы имеется немало высказываний в книгах В. И. Лыткина. Отдельные выдержки из них, касающиеся данной проблемы, мы приводим в нашей статье. Вот что он пишет по этому поводу в своей монографии “Коми-язвинский диалект”: “... археологические данные говорят о давности заселения Язвы. Точная датировка сообщаемых памятников – дело последующих исследователей, как и выяснение вопроса – кто именно были обитатели городищ и

селищ по Язьве: предки ли современных коми-язьвинцев – “пермичи Великой Перми” или, быть может, предки современных манси (вогул), несколько семейств которых еще до сих пор, по рассказам населения, живут в верховьях Вишеры...” [Лыткин 1961: 9]. “Среди населения бытуют предания, что до теперешних жителей здесь жили чудь, чучки, чучкари...” [Лыткин 1961: 9]. Отмечается, что “наряду с “пермичами” – язьвинцами по р. Язьве в непосредственной близости с ними жили манси (вогулы). В настоящее время манси нет на Язьве, но в старину, по рассказам, охотники встречали их во время своих дальних промыслов в верховьях рек Вишеры и Язьвы” [Лыткин 1961: 11].

“Об обитании манси в районе верхнеязьвинского куста указывают и отдельные названия урочищ. Напр., небольшой левый приток р. Язьвы называется *Вогульска*... Поле между деревнями Гилево и Нижней Бычиной именуется *Шамандор* (т. е. Шаманы). Д. Кислова в исповедных росписях, по данным И. Я. Кривошекова, названа *Кислая* или *Яранская*, что, как полагает И. Я. Кривошеков, указывает на манси, так как местное русское население называет мансийцев (вогулов) “яранами” [Лыткин 1961: 11–12].

На близкое соседство с манси, частое общение с ними и, возможно, проживание в одних и тех же населенных пунктах указывают и исторические факты. Так, по сообщению И. Я. Кривошекова (см. его “Словарь географо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии”. Пермь, 1914), в 1770-х годах в селе Верх-Язьва сгорела жалованная грамота мансийцев, хранившаяся в местной церкви. В 1775 г. соликамским воеводою Борисовым была выдана копия этой грамоты. Согласно ей, верховье Язьвы входило в состав охотничьих угодий мансийцев. “...Эта челобитная свидетельствует, что язьвинцы были в тесном общении с мансийцами и что часть мансийцев, действительно, могла влиться в состав коми-язьвинского населения ...” [Лыткин 1961: 12].

В. И. Лыткин считает, что довольно сложно определить время поселения “коми” в пределах Язьвы. “Ориентируясь на данные писцовых книг 1579 и 1623 гг., можно полагать, что первые оседлые поселения “пермичей” – коми-язьвинцев по р. Язьве в конце XVI и в начале XVII вв. представляли редкие починки среди глухого девственного леса по берегу р. Язьвы в один или несколько дворов, состоящих из одной или нескольких родственных семейств” [Лыткин 1961: 18].

В ряде исследований отмечается, что “коми народ еще с древнейших времен имел тесные связи с обско-угорскими народами (ханты и манси), живших к востоку и к северо-востоку от него. Тесное общение предков коми продолжалось с хантыйцами до XIII–XIV вв., а с мансийцами – до XIII–XVII вв.” [Лыткин 1957: 26].

Вот что пишет В. И. Лыткин о движении предков коми на Север: “Общепермский язык-основа распался около IX–X вв., а движение предков коми на север (возможно, сначала на более близкий север) началось раньше. Отдельные переселенцы на территории Коми АССР могли появиться уже в VI–VII вв....”. “Из русской летописи мы узнаем, что предки коми (пермь) уже в XI в. жили в бассейне Северной Двины; эту самую Пермь⁶⁸ во второй половине XIV века Стефан Пермский обращает в христианство” [Лыткин 1957: 24–25].

“Учитывая своеобразный характер языка язьвинских коми, значительно отличающийся от современных коми-пермяцкого и коми-зырянского наречий, можно предположить, что основатели первых починков на р. Язьве были поселенцами с территории Великой Перми, и современный коми-язьвинский диалект в известной мере сохранил особенности языка верхнекамских коми, являющихся основным населением княжества, известного в истории под именем Великой Перми.

Общие пермяцкие особенности на Язьве и в верховьях Камы должны были выработаться в то время, когда камские коми обитали в пределах Великой Перми и представляли общекамское единство. Специфические коми-пермяцкие черты выработались позже, после падения Великой Перми; складывались они, в основном, в пределах владений Строгановых” [Лыткин 1957: 26].

Мы же предполагаем, что развитие специфических черт (коми-пермяцких) началось гораздо раньше, оно уходит своими корнями не только в X–XI вв., но и значительно глубже, когда разрозненные племена, говорившие на диалектах так называемого “единого” языка, еще не были объединены в единое целое.

И еще вопрос, как долго и представляли ли в то время эти племена некое единство? Если да, то как долго длился общекومی период?

⁶⁸ Речь идет о так называемой “Малой Перми”, центр которой находился на Выми.

Вот что пишет по этому поводу В. И. Лыткин в “Исторической грамматике коми языка”: “Он (общекоми период), по-видимому, продолжался недолго, всего одно – два столетия, когда-то около IX–XI вв.; в своем поступательном движении на север предки коми быстро расселились среди дремучих лесов бассейна Северной Двины и Мезени, – с одной стороны, и бассейна средней и верхней Камы, – с другой, в связи с чем прекратилась между отдельными территориально разрозненными частями коми народа та тесная связь, которая необходима для протекания е д и н ы х процессов в языке. Действительно, в коми языке после отделения от удмуртского общеязыковых процессов мы видим мало” [Лыткин 1957: 25]..

Такова точка зрения В. И. Лыткина.

Возвращаясь к истории язьвинских пермяков, следует обратить внимание на то, что, по-видимому, на Язьву переселилась какая-то часть населения с территории Нижней Иньвы и Исыла; население этого региона принадлежало заводчикам. Оно принимало участие в сплаве леса, в извозе – везли дрова, чугун, соль и другие товары в Соликамск, Чердынь, Ныроб, Верхотурье, Кыдзов (т. е. Березники), Талицу и т. д.

О переселении именно с этой территории, по нашему мнению, свидетельствует немалое количество общих названий населенных пунктов, ср.: *Аксенова – Аксенова, Антипина – Антипина, Ванина – Ванина, Ваньково – Ваньково, Гурина – Гурина, Евсина – Евсина, Заполье – Заполье, Ивач – Ивачина, Талица – Талица, Тимина – Тимина, Яборово – Ябырово*. Это только названия тех населенных пунктов, которые имеются на нынешних географических картах.

Вероятно, этим можно объяснить и общность ударения, основного лексического запаса в речи нижеиньвенцев, оньковцев и язьвинских пермяков.

Если бы можно было допустить, к примеру, обратный приток населения – с Язьвы на Нижнюю Иньву и Исыл, то в таком случае в речи оньковцев и нижеиньвенцев обязательно должны были наличествовать и специфические особенности вокализма язьвинских пермяков. Однако такие особенности не выявлены.

Хочется обратить внимание на такой интересный факт, зафиксированный в недавно защищенной кандидатской диссертации Р. П. Дмитриевой “Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология)”: в периферийных говорах

этого диалекта выявлено наличие варианта звука *ы* > *ө*. Автор диссертации, следуя традиции, считает, что *ө* является рефлексом существовавшей в пракоми языке самостоятельной фонемы *ө*, якобы сохранившейся в коми-язьвинском наречии, напр.: к.-кам. *лунтөр* 'целый день', кя. *төр* 'полный', лит. *тыр* 'полный'.

Нами это явление было зафиксировано в 60-х годах в северной части кочевского диалекта (в соседнем с косинско-камским), но для публикации у нас в то время не было достаточного диалектного материала. Весьма возможно, что наличие звука *ө* – варианта фонемы *ы* является рефлексом былых языковых контактов с манси и имеет субстратный характер, поскольку на этой территории также длительное время жили манси. Память об этом народе бережно хранило старшее поколение. И они, по нашим данным, еще и в 70-е годы ходили поминать “старых” на прежние места их “коллективного самозахоронения”.

После принятия христианства соседями-пермяками предки манси (вогулы), оставшиеся на позициях язычества, немало времени враждовали со своими соседями; и позже, якобы в знак протеста, сами массово покончили с собой. По преданиям, в то время их жилища напоминали своего рода землянки со стояками.

Отдельные предания о вогулах сохранились и среди жителей южной части Коми-Пермяцкого автономного округа. Причем, эти предания по своему содержанию совпадают с теми, которые приводит в своей брошюре “Язьвинские пермяки. История и традиции” (Пермь, 1993) проф. Пермского университета Г. Н. Чагин.

По подсчетам Г. Н. Чагина, “в настоящее время остается около 2-х тыс. язьвинских пермяков, говорящих на родном языке..., и что в наши дни родным языком лучше всего владеют жители самого отдаленного (вверх по Язьве) Антипинского сельсовета численностью более тысячи человек”.

К этому следует добавить, что родной язык среди антипинцев используется весьма ограниченно: на бытовом уровне, и лишь среди жителей старшего поколения, а основным средством общения даже в семьях является русский язык, поскольку дети, как правило, не владеют пермяцким.

Обращает внимание довольно оригинальное высказывание Г. Н. Чагина, который считает, что “в наше время процесс переориентации язьвинцев с родного языка на русский активно продолжается; ... и они отличают свой язык от коми-пермяцкого и свой русский от русского соседнего населения; ... и до тех пор,

пока такая ситуация будет сохраняться, следует считать пермяков верхней Язвы самостоятельным народом”.

Это взгляд этнографа. Наша же точка зрения, как лингвиста, расходится с мнением Г. Н. Чагина. В ответ на его утверждение можно сказать, что носители любого наречия, диалекта и даже говора, как правило, различают особенности своей речи от соседних.

Таковы некоторые наши размышления о месте языка язвинских пермяков в структуре пермских языков.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

к.-кам. — косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка; *кя.* — коми-язвинский; *лит.* — литературный язык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Основы 1976 — Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1976. 464 с.

Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Введение. Фонетика. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. 136 с.

Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект // АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.